

По поводу прискорбныхъ событій 1904—1905 г.г. Когда началась война Россіи съ Японіей, то всѣ: интеллигенты, полунинтелигенты и даже мало-мальски грамотные и полуграмотные люди набросались на газеты, изъ которыхъ и черпали новости иногда справедливыя, а иногда вымышленныя, приче́мъ въ захолустьяхъ, отдавалось предпочтеніе тѣмъ газетамъ и листкамъ, кои издавались въ городахъ своей или смежной со своей губерніи, т. е. съ ближайшаго пункта, чтобы скорѣе узнавать ходъ и результаты войны.

Я тоже выписалъ двѣ газеты—одну Московскую—«Родную Рѣчь», другую—Екатеринбургскую—«Уральскую Жизнь». Взгляды этихъ двухъ органовъ печати совершенно противоположны: столичная—строго послѣдовательная, патриотическая, съ истинно-русскими, православными взглядами, провинціальная—«такъ себѣ». Конечно, я не ограничивался чтеніемъ только своихъ газетъ, читалъ и другія, подъ разными наименованіями, бралъ ихъ отъ знакомыхъ; но о послѣднихъ судить не берусь, такъ какъ онѣ не были у меня постоянно подъ руками, какъ первыя.

Итакъ война началась и продолжалась своимъ чередомъ. Судить о томъ, гдѣ, въ чемъ заключались наши неудачи на сушѣ и на морѣ,—не намъ маленькимъ провинціаламъ, не посвященнымъ въ тайны войны,—разсудить это будущій историкъ хладнокровно, безпристрастно; теперь же время горячее, пристрастное, партійное и, слѣдовательно, не такое, чтобы можно было объединить мысли и желанія всѣхъ и cadaго. Мы можемъ дѣлать только догадки и предположенія. Кажется бы скромнымъ мирнымъ жителямъ, особенно тѣмъ, кои не понимаютъ сути вещей, нужно бы только помалчивать или предоставлять право разбираться въ печатномъ хаосѣ тому, кто можетъ здраво судить и изъяснять величественно прочитанное, кто не согласенъ продать за *ичевичную похлебку* достоинство родной Руси. Такъ нѣтъ же: явились и въ деревняхъ самодѣльные политики, да еще какіе! Всякіе сложные вопросы рѣшали въ пять-десять минутъ, тогда какъ подобныя же вопросы не удавалось иногда рѣшать съ точностью въ день-два и болѣе и военнымъ историческимъ геніямъ. Вотъ какъ у насъ!...

Мало того, рѣшивъ по своему или по мнѣнію той или иной газеты трудный вопросъ, они — доморожденные политики —преважно агитировали въ средѣ темной массы крестьянства, довѣрчиво относящагося ко всякому грамотею, ко всякому печатному слову.

Какъ въ этомъ случаѣ долженъ поставить себя приходскій священникъ? На это отвѣтить довольно трудно, потоку что возникаютъ такіе вопросы, на которые нельзя, безъ ошибки, отвѣтить ни да, ни нѣтъ; напри- мѣръ: въ свѣтскихъ газетахъ, да еще склонныхъ къ преувеличенію, къ превратному сужденію, съ противо-русскимъ направлениемъ, отпечатано то-то и то-то, а официальнаго сообщенія изъ епархіальныхъ источниковъ о томъ еще не получено. Говоръ растетъ, страсти разгораются, приходятъ къ тебѣ за разъясненіями. Что отвѣчать? Опытный, искусный, испытан- ный іерей, конечно, знаетъ, что сказать, но неопытный и трусливый ед- ва ли съумѣетъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Вотъ гдѣ пастырь долженъ явиться во всеоружіи своего авторитета, вотъ гдѣ надлежитъ при- мѣнить ему на дѣлѣ евангельское указаніе: «будьте мудры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби»!. Молчить священникъ—его осуждаютъ, заговорилъ —того хуже. Все же сказать лучше, чѣмъ молчать. Напримѣръ, тебя спра- шиваютъ: «Нужно ли обязательно по поводу Высочайшаго манифеста отъ 17 октября ходить съ красными флагами по улицамъ, чтобы выразить свой національный восторгъ, будетъ ли національно и патріотично при томъ пѣніе «марсельезы» и дурацкой русской «дубинушки»? Не лучше ли, го- ворятъ другіе, читать въ это время молитвы: «Да воскреснетъ Богъ», «О-че нашъ» и псалмы 50 й «Помилуй мя Боже» и «Живый въ помо- щии...», а если ужъ ходить по улицамъ, то не цѣлесообразнѣе ли будетъ, не національнѣе ли, безъ всякаго флага, со св. иконами, съ портретомъ Государя, съ пѣніемъ русскихъ гимновъ и моливъ»? Кому долженъ от- дать предпочтеніе приходскій пастырь?—Священнику не нужно увлекаться новомодными идеями: его цѣль—приблизить себя и пасомыхъ къ вѣчно старому и вѣчно новому идеалу—Христу съ Его ученіемъ. На основаніи этого мы должны отвѣтить отрицательно на первые вопросы и утверди- тельно—на вторые. *Красная* (опредѣляя по цвѣту флаговъ) *сотня*, за отрицательное рѣшеніе первыхъ поставленныхъ нами вопросовъ, безъ сом- нѣнія, назоветъ насъ колонновожатыми черной сотни, обскурантами, ро- троградцами и иными словами, опредѣляющими яко бы нашу отсталость и ненависть къ прогрессу. Что же касается второго рѣшенія поставленнаго нами вопроса, то *истинно-русскій народъ*, преданный и тѣломъ и душою православной церкви и своему Монарху, не мудрствующій лукаво, чутьемъ

отличающій ложь отъ правды, скажетъ намъ большое спасибо. Странно: свобода слова, собраній и союзовъ предоставлены всѣмъ гражданамъ, безъ изъятія, но *красная сотня* почему то убѣждена въ томъ, что только ей одной дано право свободно мыслить, говорить и собираться въ союзы, и что черная сотня ни въ какомъ случаѣ не должна мыслить и говорить по своему убѣжденію. Если такъ,—то будетъ ли на дѣлѣ осуществлена свобода слова и равноправность одной партіи съ другой? Да, революціонеры и социаль-демократы признаютъ права только за собой и попираютъ права другихъ. Когда имъ удается безнаказанно совершить походъ противъ монархической власти, противъ церкви, ея служителей, противъ сложившихся и вкоренившихся въ плоть и кровь человѣка русскихъ основъ, освященныхъ тысячелѣтіемъ, они торжествуютъ, ругаютъ всѣхъ и вся; но когда простой народъ дзетъ имъ кровавый отпоръ, они громко начинаютъ вопить: «что дѣлаетъ духовенство, почему оно не защищаетъ ихъ» и проч. и проч. Само собою разумѣется—пастырь долженъ быть всегда впереди и его святая обязанность—предусредить, предотвратить междоусобіе, вразумить и научить, ибо не вѣдаютъ тѣ и другіе, что творятъ. Но.. зачѣмъ же бросать грязью въ насъ, если мы и вамъ полезны, зачѣмъ говорить, что духовенство *направляетъ* одну партію на другую, зачѣмъ позволять себѣ думать, что народъ русскій не можетъ самъ собою противо-дѣйствовать крайнимъ ученіямъ, отличать ложь отъ истины? Не всѣ—поголовные невѣжды—есть въ народѣ и умные.

Въ критическіе моменты измѣненій государственнаго домостроя,—роль пастырей едва ли не самая трудная и нерѣдко—безвыходная; при всемъ томъ мы не вправѣ служить двумъ господамъ—«Богу и мамонѣ».

Читая эти строки, иному придетъ въ голову такая мысль: съ какой стати—эготъ деревенскій священникъ возвышаетъ свой голосъ, для чего онъ говоритъ о такихъ событіяхъ, кои совершаются покуда по городамъ, а не по деревнямъ; не явилось ли у него подленькое желаніе порисоваться въ печати?? Сохрани Богъ!.. Нѣтъ—не то; да мнѣ и не до увлеченій, не до рисовки, мои годы давно перенесли меня изъ области фантазій въ область дѣйствительной жизни, безъ прикрасъ. А если я позволилъ себѣ сказать правдивое слово, то на это много причинъ. Прежде всего скажу, что тотъ, кто будетъ воображать, что въ селахъ и деревняхъ миръ, тишина и полное равновѣсіе въ жизни, ошибется и дастъ себя поймать въ располхъ. Не даромъ сказано: «бдите и молитесь, да не ввидите въ напасть»... Я не знаю, что творится у другихъ. Но зато отлично вижу и слышу все, происходящее у меня въ приходѣ, предъ моими глазами.

У меня—тоже тишина, миръ и спокойствіе, только—наружно. Не прими своевременныя мѣры—могло быть иначе. Священникъ Звѣровъ, въ № 19 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1905 годъ, сказалъ,—«волна со ытій можетъ докатиться и до насъ»... Она уже докатилась, хотя, правда, слабая—по отмѣли, безъ десятаго съ высокимъ гребнемъ и пѣною вала, все же шумъ ея слышали... Житейское бурное море можетъ еще сильнѣе взволноваться, чѣмъ ранѣе.

Полнаго спокойствія въ нашей странѣ все еще нѣтъ. Откуда, какимъ образомъ могутъ понасть къ намъ, въ деревню, самозванцы—проповѣдники новыхъ вѣяній и самодѣльные политяки, о которыхъ я говорилъ выше? Очень просто. Былъ у насъ сельскій писарь изъ крестьянъ—человѣкъ хорошій, православный, скромно совершавшій свое немудреное и несложное дѣло. Но вотъ онъ не сошелся съ заправилами—старообрядцами, коихъ въ селѣ чуть не половина, и принужденъ былъ оставить свою должность и удалиться въ другое мѣсто. Явился въ село для занятія свободнаго мѣста писаря «А.», оборванный, въ пимахъ (валенкахъ) съ дырами, заткнутыми съ пятокъ соломой. «А.» пришелъ зимою и холоденъ и голоденъ (кто его прислалъ?—Богъ знаетъ!), но убожество одѣянія ничуть не скомпрометировало его,—онъ, съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, рекомендовался такъ: «честь имѣю представиться—административно-ссылный—«А»,—соціалъ-демократъ, толстовецъ, окончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи»... Какое сельскій писарь?! Мы, проживающіе въ предѣлахъ Сибири, отлично освоились съ этими проходимцами, изъ которыхъ одни бываютъ дѣйствительно люди съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, другіе—(большая часть) ничтожество, только вылающіе себя за необыкновенныхъ смертныхъ, но, въ сущности, ограниченныхъ, понавшихъ на скамью подсудимыхъ за подражаніе вожатымъ, за чужіе грѣхи. Что до этого—онъ гордится тѣмъ, что онъ *политическій* *ссылный*, хотя и самъ не понимаетъ вполнѣ значенія этихъ словъ. Такіе господа въ деревнѣ никѣмъ и ни чѣмъ не стѣсняются; они задаютъ тонъ во всякомъ дѣлѣ. Скоро мнѣ довелось убѣдиться, что нашъ соціалъ-демократъ, толстовецъ, не только не можетъ себѣ уяснить своего названія, цѣли, которой онъ служить, но оказалось, что онъ и о графѣ-то Толстомъ знаетъ болѣе по наслышкѣ; сочиненій его вовсе не читалъ и нисколько не усвоилъ себѣ взглядовъ этого писателя. Жду, прислушиваюсь, слѣжу за новымъ

писаремъ, нямало и ни въ чемъ не довѣряя ему. Время идетъ. До меня доходятъ смутныя слухи, что въ такомъ-то мѣстѣ, предъ такимъ-то лицомъ, писарь распространялъ вредныя идеи, но доказательствъ явныхъ нѣтъ, потому, что онъ старался дѣйствовать изъ-за кулисъ. Въ противовѣсъ этимъ идеямъ, я отдѣлялъ черное отъ бѣлаго, предупреждалъ не вдаваться въ обманъ..... «А.» пришелъ къ заключенію, что за нимъ *следить пошъ*, не дастъ ходу; скверныя его сѣмена на нашей почвѣ не прививаются. Послѣ этого онъ перемѣнилъ тактику: сталъ религіозенъ, часто посѣщалъ нашъ храмъ, пѣлъ и читалъ здѣсь; въ довершеніе всего началъ изъяслять чувства патріотическія. Чтожъ, думаю, дѣло хорошее—ходи въ церковь—мѣста хватить, только всежъ за нимъ присматривалъ по прежнему. Надоѣло «А.» быть въ неопредѣленномъ и напряженномъ положеніи, увидѣлъ онъ, что дѣло ни такъ, ни этакъ не выгораетъ, а опасность надѣтъ опять дырявыя пимы приближается... Кто его знаетъ—общество возьметъ да и откажетъ ему отъ писарства. Лучше перейти на другое мѣсто, благо—усиѣлъ до сыта накушаться и одѣться. Въ одно прекрасное время писарь оставилъ насъ въ покоѣ, онъ нашелъ себѣ покровителя и попалъ писаремъ въ городъ съ десяти рублей на двадцать пять рублей въ мѣсяць. Скатертью дорога! Послѣ того проходитъ не много времени и къ намъ вновь посылаютъ въ сельскіе писаря политическаго—«Б.», съ академическимъ образованіемъ, по заявленію послѣдняго. Вотъ, думаю, начались *ешпетскія казни* для народа! Кому и къ чему потребовалось опредѣлять къ намъ академикомъ на ничтожный постъ писаря? Вопросъ остается и до днесь открытымъ. Впрочемъ этотъ «Б.», прослуживъ сравнительно не долго, будучи побитъ, походивъ по сему съ завязаннымъ носомъ, тоже оставилъ насъ въ покоѣ; нынѣ у насъ опять сельскій писарь изъ крестьянъ.

Проявлялся у насъ агитаторъ изъ крестьянъ сосѣдняго села—ему тоже не посчастливилось...

По окончаніи войны стали поговаривать о смутахъ, происходящихъ въ нашемъ государствѣ. Провинціальныя газеты съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ принялись знакомить общество съ бунтами и забастовками; всѣ нумера были переполнены этими сообщеніями и, кажется, не былъ пропущенъ ни одинъ уголокъ Россіи, гдѣ творилось что-либо неладное—такая точность и аккуратность! Что этимъ достигалось? Не то-ли, что-бы смутить духъ народа, чтобы мирныхъ жите

лей превратить въ буяновъ и смутьяковъ? Кто ихъ знаетъ!.. Въ одной такой газетѣ была отпечатана статья, подъ громкимъ заглавіемъ «Шире дорогу! Свободная Россія идетъ». И чего-чего тутъ нѣтъ: и ругань противъ чиновенства и духовенства и совѣты кого именно, какихъ людей должны выбирать крестьяне въ Государст. Думу. Кого?—Такихъ, кои и въ безправное-де—время не давали спуску ни земскимъ начальникамъ, ни понамъ; а если въ данной волости не находится такихъ смѣльчаковъ—сорви головъ—авторъ совѣтовалъ искать ихъ въ другой. Прокричавъ это, газета перестала выходить, по крайней мѣрѣ не видимъ болѣе ея нумеровъ «Шире дорогу»!.. Кто и передъ кѣмъ долженъ своротить и стать по сторонамъ, чтобы дать свободную и широкую дорогу? Очевидно крикуны—сорви головы—должны пройти этимъ путемъ, а люди набожные, мирные, благонамѣренные обязаны разступиться. Опять нарушеніе равноправности и свободы. Если бы не война, то, право, нѣкоторыя газеты русскій простой народъ и въ руки бы не взялъ, не то что читать и заниматься ими.

Я отлично помню другую войну—77—78 гг.—съ Турціей. Служилъ тогда въ сердцѣ Россіи, въ почтовомъ вѣдомствѣ, всякихъ газетъ тогда подъ руками было много, хоть зачитывайся ими. Въ то время пресса и общество шли рука объ руку, разногласій почти не замѣчалось. Какой всюду наблюдался подъемъ духа, какое проявлялось горячее стремленіе къ тому, чтобы, при первой возможности, сложить свою голову за честь Россіи. Всякій воображалъ себя героемъ, способнымъ разнести цѣлью десятки турокъ. Это была какая-то *воинственная эпидемія*. Тогда умѣли не тушить, а разжигать патріотизмъ. Мой братъ поступилъ въ ряды войскъ, меня не удержимо тянуло туда-же. — Сказывалось стадное чувство. И если бы старики мои родители—не удержали меня отчаянными просьбами, я, кажется, пѣшкомъ-бы ушелъ туда-же, куда шли всѣ. Многіе добровольцы—изъ знакомыхъ—были убиты и ранены еще подъ предводительствомъ ген. Черняева, въ первыхъ стычкахъ, еще болѣе ихъ пало подъ Плевной. И въ Турецкую войну наши войска шли не сплошь по розамъ и лаврамъ, были на пути и шипы, но кто тогда на нихъ обращалъ вниманіе?.. Убыль живо пополнялась; послѣ неудачъ сердце горѣло и билось сильнѣе, являлось неукротимое желаніе скорѣйшей расплаты съ врагомъ. И турки были побиты. Честь Россіи не пострадала. А теперь?.. Съ начала и до конца войны съ Япо-

ней наблюдалась какая то апатія въ войнѣ — какъ въ газетной прессѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Злорадно посмѣивались свои надъ своими же неудачами. При этихъ условіяхъ, да еще въ виду отдаленности театра войны отъ центра Россіи, развѣ можно было побѣдить японцевъ?.. Когда по городамъ, селамъ и деревнямъ среди истинно — русскихъ людей появились, какъ плевелы среди пшеницы люди продажные, развѣ возможно единство предпріятій?

— Сомнительно!..

Священникъ П. Закомельскій.